

Николай Михайловский

Четыре художественные выставки

Николай Михайловский

Четыре художественные выставки

«Public Domain»

1898

Михайловский Н. К.

Четыре художественные выставки / Н. К. Михайловский — «Public Domain», 1898

ISBN 978-5-457-13111-8

«Еще не успевают закрыться двери театров, как уже начинаются художественные выставки, число которых растет с каждым годом, потом концерты, еще концерты, еще выставки. И все концерты и выставочные залы полным-полны, да и вне их, на улице, дома, в гостях, в газетах вы сталкиваетесь с отголосками пережитых художественных впечатлений...»

ISBN 978-5-457-13111-8

© Михайловский Н. К., 1898

© Public Domain, 1898

Николай Константинович Михайловский

Четыре художественные выставки

Приближение весны в Петербурге ежегодно бывает отмечено каким-то пароксизмом художественных наслаждений. Еще не успевают закрыться двери театров, как уже начинаются художественные выставки, число которых растет с каждым годом, потом концерты, еще концерты, еще выставки. И все концерты и выставочные залы полным-полны, да и вне их, на улице, дома, в гостях, в газетах вы сталкиваетесь с отголосками пережитых художественных впечатлений: идут разговоры о собственном нашем г. Фигнере и чужестранных знаменитых концертах, об английской выставке, финляндской, передвижной, академической. Что это значит? Действительно ли мы, петербуржцы, так жаждем художественных наслаждений в смысле переживания чужой жизни? Спустимся немножко с этих высот чистой теории и посмотрим на некоторые осложнения того интереса к искусству, который мы только что в минувший сезон обнаружили.

Я не был на выставке картин английских художников, но вот что читаем в «Русских ведомостях» об эффекте, произведенном этой выставкой в Москве. Выставка «пользуется очень большим успехом у публики. За неделю ее пребывания в Москве администрация выставки получила входной платы 2616 рублей. Посетителей за это время перебивало до 4000 человек. Картин продано пока всего пять на сумму 42 000 рублей, что с приобретенными в Петербурге картинами составит более 80 номеров. В настоящее время большинство выдающихся полотен уже распродано. Выставка особенно усердно посещается по вечерам, от 7 до 11 часов, когда играет цыганский оркестр И. Ригго, красиво и с огнем исполняющий преимущественно штраусовский репертуар. В эти часы залы совершенно переполнены, что значительно затрудняет осмотр выставленных произведений. Много мешает также электрическое освещение, благодаря которому значительно меняется колорит масляных картин и совершенно пропадают акварели. Не совсем удачно освещены и некоторые картины в верхних рядах».

Вдумайтесь в эту заметку. Сравнительно недавно родился новый вид искусства, или, по крайней мере, новое сочетание старых художественных элементов, — мелодекламация. Мне не удавалось присутствовать при хорошем исполнении, но я могу себе представить, что этот род искусства способен производить сильное и цельное впечатление, если, разумеется, кроме хорошего исполнения, текст читаемого произведения и сопровождающая его музыка совпадают в тоне; потому что, если, например, рассказ Горбунова будет сопровождаться музыкальным мотивом, напоминающим похоронный марш, так ничего хорошего из этого не выйдет. Быть может, возможны сочетания музыки и с живописью. Но когда на выставке картин с разнообразнейшими сюжетами играет цыганский оркестр Ригго, то чем красивее и чем с большим огнем он исполняет штраусовский репертуар, то тем нелепее должен оказаться результат выставки. Хорошо исполненный вальс Штрауса очень приятно послушать. Но, заразившись бьющим из этого вальса весельем, как могу я заразиться, как могу я тут же воспринять вложенное художником в пейзаж настроение тишины, грусти, одиночества? И наоборот: проникнувшись настроением кающейся Магдалины, как могу я слушать вальс? Скажут, может быть, что ведь и на выставке имеются картины на разнообразные сюжеты: веселый жанр рядом с тихим пейзажем, трагической сценой, портретом, *nature morte*. Это так. Но ведь я могу сосредоточить свое внимание на любой из этих картин в течение любого времени, тогда как звуки вальса сопровождают меня неотступно и не могут не раздавить впечатление. А между тем вот «залы переполнены» именно в те часы, когда играет цыганский оркестр и когда, вдобавок, благодаря электрическому освещению «значительно меняется колорит масляных картин и совершенно пропадают акварели». Ясно, что публика — не

говорю, конечно, вся – толпится на выставке не затем, чтобы проникаться настроениями художников и переживать изображенную ими жизнь; не ради художественного наслаждения, а если и ради художественного, то самого низменного сорта: «насытить кристалл очей» красивыми пятнами и линиями, благо это не мешает в то же время насыщать и орган слуха красивыми звуками. И это, может быть, еще наивысший мотив для многих: сами по себе картины, без вальса, надо смотреть, потому что такова мода, потому что все смотрят, потому что нельзя же хлопать ушами в салоне, когда говорят о такой-то картине или такой-то статуе.

Ну, а художники? Из того, что публика смотрит на картины, по бессмертному выражению Гоголя, «ковыряя в носу», не следует, что эти картины не суть произведения искусства. Они только слабо исполняют свою функцию или, может быть, совсем не исполняют ее, как так называемые рудиментарные, зачаточные органы. Причина такого положения вещей может лежать и в публике, и в художниках, и в обоих вместе. Художники и публика не находят друг друга. Явление, параллельное тому, которое выражено в знаменитой горькой фразе Щедрина: «Писатели пописывают, читатели почитывают». Публика даже с чрезвычайной охотой смотрит картины, но эти обзоры выставок составляют для нее просто развлечение, подогретое модой, а не то средство общения с душой художника, об котором говорят Эннекен и гр. Толстой. Картины, по-видимому, и покупаются в значительном числе, но не смотрят ли на них покупатели просто как на украшение своих кабинетов, гостиных, столовых?

Пойдемте на выставку «русских и финляндских художников». Я должен предупредить читателя, что отнюдь не беру на себя роли эстетического судьи. Подобно всем смертным, я не лишен чувства красоты, но не сумею объяснить, почему то-то мне кажется красивым, а то-то – некрасивым, или даже вообще почему одно мне нравится, а другое не нравится. Технических знаний, нужных для полной оценки произведений живописи как живописи, я не имею. Но думаю, что их не имеет и подавляющее большинство посетителей выставки. Я – один из этого большинства, только памятующий вышесказанное о задачах и пределах искусства.

Итак, мы на выставке русских и финляндских художников. Вот три номера, выставленных г. Боткиным. В каталоге выставки они записаны так:

47. Три женских силуэта.

Опыт декоративного мотива в желтых тонах. 1200 р.

48. Женский силуэт |

..... } могут служить проектом для вышивки шерстью, по

49. Женский силуэт |

Уже сама эта запись свидетельствует, что художник преследовал цели украшения квартиры, а не искусства в смысле передачи зрителям известного настроения, внушения им известных чувств. Конечно, и предмет украшения может наводить на те или другие чувства, хотя, например, подушку, вышитую шерстью по проекту г. Боткина, всего естественнее положить себе под бок или под голову, лежа на диване. Но дело в том, что и в душе художника вы ничего не усмотрите, кроме желания написать три (а может быть, и более) картины «в желтых тонах». На желтом фоне три нагие женщины в разных позах, желтого же, но более бледного цвета, среди каких-то желтых же, только очень темных растений.

Местом жительства г. Боткина показан в каталоге Париж, и можно бы было думать, что женская нагота, *le nu*, играющая такую выдающуюся роль в произведениях французских живописцев, увлекла и нашего художника. Но и женская нагота, по-видимому, сравнительно мало занимала его. На всех трех его картинах мы имеем именно «силуэты», лишённые рельефа, а кроме того, натура ослабляется и равномерностью желтого цвета. Так написаны «три силуэта», потом один силуэт и еще один силуэт. Перед одним из этих одиночных силу-

этов я долго стоял в недоумении: что это такое? Как будто и женщина, а как будто и черт знает что. На желтом фоне желтая нагая женщина цветом побледнее среди желтых растений цветом потемнее. Но волосы женщины художник написал тем же темно-желтым цветом, что и растения, и закрыл ими спереди лицо и грудь женщины, так что волосы смешиваются с листьями растений, и вы долго не можете понять, что же значит эта нижняя часть женского тела, обрывающаяся кверху каким-то темно-желтым неправильной формы пятном. Все это вместе составляет такой странный каприз художника, который едва ли во многих возбудит приятные эстетические впечатления, не говоря уже о более широких задачах искусства.

Желтые голые женщины г. Боткина стоят особняком на выставке русских и финляндских художников. Я хочу сказать, что ни сплошь желтых, ни сплошь синих и проч. картин на ней больше нет. Но столь же, по-видимому, необъяснимых художественных капризов очень много. До такой степени много, что, насмотревшись на эти чудные (не чудные, читатель) картины, вы с особенным удовольствием останавливаетесь не только на картине г. Эдельфельта «Похороны ребенка», но и на гораздо более слабой «Улице в Москве в XVII в.» г. Рябушкина. Если я сопоставляю эти две картины, то вовсе не для сравнения их между собой и вообще не для того, чтобы о них распространяться. На всякой другой выставке они вовсе не так бы бросались в глаза: обыкновенные житейские сцены, обыкновенные люди, обыкновенными приемами и обыкновенными красками написанные. Но на выставке русских и финляндских художников – «там чудеса, там леший бродит, русалка на ветвях сидит». Разумею не только сюжеты, а и изображаемые предметы, и приемы изображения, и краски. Бесмыслица здесь спорит с безобразием.

Скажут, это новые пути в искусстве. Прежде, чем поближе посмотреть на них, позвольте мне рассказать два анекдота. Но к одному из них мне хочется сделать еще приступ.

Только что умер И. И. Шишкин, «лесной царь», как его называли, работы которого есть и на нынешней передвижной выставке. Но на ней есть, кроме того, и превосходный портрет Шишкина работы г. Ярошенко. Глядя на него, в особенности под впечатлением смерти Шишкина, невольно вспоминается другой, старый, тоже превосходный портрет покойного пейзажиста работы Крамского. Там вы видите могучего, полного сил человека, стоящего, опершись на палку, в поле. При нем ящик с красками и зонтик, и по спокойной позе, по спокойной вдумчивости глаз, устремленных вдаль, – надо думать, на лес, который он сейчас будет писать, – вы чувствуете, что это полный хозяин этого леса и своего дела. Тут, на портрете г. Ярошенко, – то же красивое, но уже бледное, усталое лицо, обрамленное седыми волосами и длинной седой бородой; Шишкин сидит в кресле, устало наклонив голову и опершись на колена руками, держащими палитру, кисти, муштабель...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.